

Льва Зильбера, победителя чумы, встретили в Баку с триумфом и почти сразу же отправили в застенки НКВД

Жизнь, превзошедшая роман

Кто из нас не зачитывался в юности замечательным романом Вениамина Каверина «Два капитана»? Полярная романтика, сильные характеры и увлекательный сюжет сделали его бестселлером советской, да и постсоветской эпохи. Однако сегодня мало кто знает, что прототипом одного из героев произведения, Саньки Григорьева, был старший брат писателя — микробиолог Лев Зильбер, а его жизнь легла в основу не менее известной трилогии писателя «Открытая книга». Судьба ученого не случайно стала не источником даже, а бездонным колодезем вдохновения брата-литератора — его жизнь «по остроте ситуаций, по мотивам, которые вопреки блистательной подлинности вообразить почти невозможно, напоминает лучшие романы Грэма Грина» — так писал о нем сам Каверин. А началась эта драматическая эпопея, вместившая в себя за неполные двадцать лет научные достижения, признание, ссылки, тюрьмы, эпидемии, в Баку, где Лев Зильбер успел недолгое время поработать директором Азербайджанского института микробиологии и гигиены. Впрочем, рассказывать о захватывающих событиях жизни этого человека нужно, наверное, по порядку.

Мурад КАДЫМБЕКОВ

Семья из Пскова

Родился будущий ученый в 1894 году в Пскове в многолетней еврейской семье. Отец его был капельмейстером и пользовался уважением в своем городе. Лев первый в семье, кто хоть и поздно, но все-таки проявил интерес к точным наукам. Его старшие сестры Мириан и Лея (Елена) больше тяготели к искусству: Мира не раз отмечалась в гимназических театральных постановках, да и после завершения среднего образования появлялась на любительских подмостках, пока уже в советское время не вышла замуж. Лею же больше захватила музыка — после четвертого класса гимназии ее приняли в столичную консерваторию по классу виолончели к известному педагогу и композитору И.И. Зейферту. Однако на последнем курсе перед выпускными экзаменами девушка переняла руку. В феврале 1916 года Елена стала женой будущего писателя, автора известного произведения «Смерть Вазира-Мухтара» Юрия Тынянова — гимназического друга ее брата Льва Зильбера.

Старший же среди мальчиков — Лев в детские годы стабильными успехами в учебе не отличался. При первой попытке поступить в гимназию он даже был отнесен «за недостатком вакансий по национальной квоте». Лишь через год, по решению педагогического совета от 14 августа 1903 года, Лев попал в эту квоту и начал учебу в подготовительном классе. Там по успеваемости он был в первой десятке учеников и сдал приемные экзамены в первый класс.

Некоторые трудности у Льва возникли в старших классах: переэкзаменовка по алгебре после каникул в августе 1910 года при переходе в седьмой класс, дополнительный экзамен в мае 1911 года до каникул по латинскому языку. Позднее в воспоминаниях Лев Зильбер признавался, что учился слабее, чем его близкие друзья Тынянов и Левтавет, «а латынь остро ненавидел». И когда спохватился, твердо решив закончить гимназию с золотой медалью, прежде пренебрежение к языкам поменяло. В его аттестате зрелости оказались все пятерки, кроме четверок по латинскому и немецкому языкам. И потому «во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличному успехам в науках педагогический совет гимназии постановил наградить Зильбера серебряной медалью».

В 1912 года директор гимназии статский советник Артур Генрихович Готлиб, вручая аттестаты зрелости и медали, призывал выпускников не зарывать полученные знания, а развивать их и направлять на работу для общества, но не для материальных расчетов. Как оказалось позже, это были не пустые слова, и он принял самое деятельное участие в судьбе одного из своих питомцев. Поступив без помощи своего бывшего директора в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, Лев вдруг понял, что его безудержно тянет в медицину. В столичном университете соответствующего факультета не было. Юрьевский и Киевский университеты отказались принять студента переводом, ссылаясь на отсутствие еврейских вакансий. К аналогичной просьбе в Московский университет было приложено письмо А.Готлиба: «Будучи преподавателем и классным наставником этого молодого человека, я убедился, что он обладает выдающимися умственными способностями, прилежанием и

добросовестностью в исполнении обязанностей.

Если этому молодому человеку удастся поступить на медицинский факультет, что составляет его заветную мечту, то он, без всякого сомнения, сделается отличным врачом, полезным деятелем государства и общества».

Пожилый немец как в воду глядел: все из его предсказаний сбылось, только вот пользу принести стал Лев совсем уже другому государству.

Уехал в Баку без сожалений о Москве

О двадцатых годах в жизни Льва Зильбера известно не много. Сам он о них вспоминал, мало сказав, скупо — в пятнадцати строчках. Между тем, это была полоса разбега, определившая очень многое в его жизни. За это время он вырвался из выпускника мединститута в серьезного ученого, алетита стремительно развивающейся науки. К концу двадцатых он уже заведовал отделением Института микробиологии Наркомздрава. Будучи учеником профессора В.А. Барыкина, он вскоре перерос своего наставника и перестал разделять его теорию иммунитета. Более того, основываясь на своих экспериментальных данных, со свойственной ему энергией старался подорвать авторитет своего учителя на всех конференциях и ученых советах. Отношения между ними осложнились.

В этот момент Лев Зильбер получил приглашение занять должность директора Азербайджанского института микробиологии. Вот как вспоминает об этом сам ученый: «Без особого сожаления я оставил в 1929 году Москву, где заведовал отделением в Институте микробиологии Наркомздрава, директором которого был мой учитель, профессор Владимир Александрович Барыкин. Уже восемь лет я работал в этом институте. Накопилось знания и опыт. Хотелось попытаться свои силы на изучение большой, сложной проблемы. Идей было много, а возможностей мало. Все отделение состояло из двух человек: меня и моей сотрудницы Елены Ивановны Воструховой. Разладились и хорошие, дружеские в течение многих лет отношения с В.А. Барыкиным... Эти и многие другие обстоятельства и побудили меня принять приглашение занять должность директора Азербайджанского института микробиологии. Одновременно я был выбран на кафедру микробиологии медицинского института».

В Азербайджан Лев Зильбер приехал не один. Он привез с собой помощницу и соратницу Елену Ивановну Вострухову. Любопытны и его впечатления о нашей столице и новом месте работы, найденные в мемуарах: «Небольшой сравни-

тельно институт микробиологии оказался вполне прилично по тогдашнему времени оборудованным благодаря энергии моего предшественника проф. П.Ф. Здроздовского. Им же были подготовлены несколько вполне квалифицированных специалистов. Хотя почти все они были старше меня (мне было 35 лет), у нас установились хорошие, деловые отношения».

Баку в то время было городом поразительных контрастов и странностей. Новенькие вагоны только что построенной электрической железной дороги отходили на нефтяные промыслы от вокзала, пройти в который можно было только через толпу нищих. Выставляя напоказ голые руки и ноги, покрытые страшными, кровотокающими язвами, или культю ног или рук, завернутые в грязные рубища, они гнусавыми голосами просили подаяния. Я видел подобную картину много лет спустя в Индии.

К вокзалу часто подходили верблюды, со спин которых снимали кладь, отправляемую дальше по железной дороге. Эти спокойные и неповоротливые животные и идущие рядом новенькие, веселые вагончики электрички как бы символизировали прошлое и настоящее Баку. В городе было много мух и... ящериц. По городу ходили амбалы с боннами жбанами на спине. Они предлагали свой товар — керосин и воду.

Женщины ходили с открытыми лицами. Впрочем, даже студентки меффа так обильно пудрились, что стол, покрытый зеленым сукном, за которым я их экзаменовал, после экзамена становился серым».

Эпидемия чумы в Гадрута

Мирное течение жизни ученого в Азербайджане, где ему было и комфортно, и интересно, прервалось однажды ночным звонком наркомхоза здравоохранения. Тревожный голос в трубке сообщил, что в Гадруте грянула эпидемия чумы, и Лев Зильбер с коллегами к шести утра должен быть готов поездом отправиться в зону бедствия, чтобы локализовать очаг заболевания.

Чума в то время была уже хорошо изучена. Были известны и свойства возбудителя, и пути его распространения. Но эффективного лечения не су-

ществовало, и все больные легкой чумой погибали так же, как и в средние века, когда чумные эпидемии охватывали целые страны и уносили сотни тысяч жертв. С этим страшным недугом Зильберу еще сталкиваться не приходилось. Единственным теоретическим оружием против него стали книги, подаренные знаменитым эпидемиологом Д.К. Заболотным, руководившим в свое время борьбой со вспышкой легкой чумы в Маньчжурии в 1910 году, когда погибло 55 тысяч человек.

Вот что пишет об опасной командировке сам ученый: «Гадрут стоит в стороне от железной дороги, и нам пришлось ехать на лошадях. Перед взездом в город развевался черный флаг. Улицы селения были пусты. Мы разместились в школе, где занятия были прекращены. Немедленно установили связь с местными властями и оставшимся в живых персоналом больницы. Выяснилось следующее. Первым заболел юноша лет семнадцати. Думали, что это — воспаление легких. За несколько дней до болезни он застрелил какого-то грызуна и съел с него шкуру. Юношу положили в общую палату в гадрутскую больницу. Вскоре захворали больные, лежащие на соседних койках, затем фельдшер и санитар, а несколько дней спустя и главный врач больницы доктор М.Н. Худяков. У всех больных диагностировалось воспаление легких, но отмечалось, что мокрота была кровянистой, что почти всегда бывает при легкой чуме и очень редко при обычном воспалении легких».

Были больные и среди населения Гадрута, не связанные с больницей. Первойшая наша задача состояла в том, чтобы изолировать всех заболевших, затем — всех имевших контакт с ними (первичный контакт), а также имевших контакт с этими последними (вторичный контакт).

К этой работе мы немедленно приступили. Были посланы врачи в другие селения, чтобы выяснили обстановку и принять нужные меры».

Один больной, по воспоминаниям ученого, умер в день их прибытия. Он попросил профессора Широкогорова вскрыть его. Тут-то и выяснилось, что заболеть взяты с собой резиновые перчатки. Как без них работать с заражен-

ным материалом? И Зильбер, отдав коллегам собственную пару дефицитных в ту пору перчаток, взялся за исследование гольми руками, лишь периодически «дезинфицируя» их в растворе сулемы. Необходимо было выделить чумную культуру. Он был убежден, что «это позор для бактериолога — вернуться с чумной вспышкой с пустыми руками». И, рискуя жизнью, завершил работу. «Культура, — вспоминает он, — была выделена как из посевов легких, так и из спинков. Диагноз не вызывал сомнений: чума!».

Ликвидаторы

Последующие дни прошли в напряженной работе. Прежде всего необходимо было выявить всех больных. Это можно было сделать только поголовным осмотром всех жителей в их жилищах, так как больных скрывали. Но население в большинстве не говорило по-русски, и для этой работы пришлось привлечь местных партийный и комсомольский актив. Для чумного барака отдели специальное здание. Все больные, еще находившиеся в больнице, были оттуда вывезены и изолированы. Здание больницы тщательно продезинфицировали. Были изолированы также все родственники чумных больных и лица, бывшие с ними в контакте. Все эти и другие мероприятия удалось провести в Гадруте очень быстро и организованно. Хуже обстояло дело в трех других селениях. У меня не было ни одного врача, которому можно было бы поручить проведение нужных мероприятий с уверенностью, что все будет сделано должным образом. Я дал телеграмму наркомхозу здравоохранения с просьбой выслать опытных чумологов. Вскоре приехали профессор Сукнев из Саратова и доктор Тинкер из Ростова — крупные специалисты, которые оказали существенную помощь в ликвидации чумы в селениях около Гадрута».

Меры, предпринятые «ликвидаторами», были столь грамотными и своевременными, что очаг эпидемии вскоре был локализован и, лишенный новых «дров», вскоре погас. Победители чумы встречали в Баку с триумфом. Казалось, что после столь успешной экспедиции ее руководители ждут самые радужные перспективы. Однако Зильбер жил в фантазмагорической стране, и вскоре ему «воздали по заслугам».

«Нарком здравоохранения встретил меня ласково. Жал руку, благодарил. Сказал, что меня представляют к ордену Красного Знамени и выбирают в кандидаты ВЦИКа (Лев никогда не был в партии)... Судьбе было угодно, чтобы обещанный орден я получил только через тридцать пять лет, в день своего семидесятилетия; ну а из членов АЗЦИКа я быстро выбыл в качестве «врага народа». А вот участь чудесного вина, привезенного из Гадрута, осталась мне неизвестна», — напишет много позже ученый в своих мемуарах.

Новоиспеченный эск

За что его посадили в Баку? Ответа на этот вопрос, за исключением органов, не знал, наверное, никто. Видимо, не знал и он. Причины, как известно, ткались из воздуха, как платье для короля в сказке Андерсена. Возможно, причем, что для ОГПУ было важно доказать, что чума занесена диверсантом, а он, пере-

релистав десятки старых медицинских журналов, убедился в том, что по соседству с Гадрутом подобные вспышки бывали и раньше, о чем просто забыли.

Обстановка в тюрьме была, впрочем, относительно либеральной, к заключенным еще не применяли «мер физического воздействия», и подследственному даже удалось соорудить в камере подобие бокса. Может быть, помогло и то обстоятельство, что в Баку Льва знали и уважали. Но небо он мог видеть только через краешек окна, а на его глазах в жалком закутке без воздуха умирал другой узник, перс, также мифический вредитель.

Но как выбраться отсюда? В борьбу включается Вениамин Каверин — младший брат Зильбера. И единственная его надежда, пожалуй, на Горького, ему нравятся книги Каверина, и он симпатизирует молодому прозаику из «Серапиевых братьев». Несколько дней Каверин проводит вблизи дома Горького, надеясь на встречу. Однако письмо Алексею Максимовичу удается передать лишь через биографа писателя Груздева, имеющего к классике прямой доступ. «Ох, трудное дело!» — мурчит Горький, прожевав содержание послания. И все-таки, очевидно, именно его стараниями Зильбера освобождают.

Хотя, возможно, помогли и энергичные хлопоты к тому времени уже бывшей жены Зины Ермольевой, которая, не теряя ни минуты, взялась за тяжкую, подчас унижительную работу, состоявшую из ежедневных писем, ходатайств, телефонных звонков и совещаний с друзьями.

Вернувшись в Москву, Зильбер получил высокое назначение, сначала в Центральный институт усовершенствования врачей, а потом в Институт инфекционных болезней имени Мечника (заместитель директора). Именно в эти годы он начинает заниматься вирусологией, добиваясь создания организации исследователей центра. Разумеется, он не подозревает, что не только вирусологией, но сам вирус, как предмет изучения, вызывает очень серьезные опасения у НКВД, в течение трех-четырёх лет занимавшегося последовательным уничтожением советской микробиологии. Вирус был подозрителен уже потому, что по самой своей сути он находился вне контроля карательных органов. Следовательно, подозрительны были и те, кто занимались этим существом или веществом, поскольку в подходящий момент они могут воспользоваться им с вредительской целью. Но пока все обстояло благополучно. Аресты шли, но первые в СССР вирусологические центры были созданы, вокруг Льва объединились молодые ученые, начались поиски собственного направления, и решающим этапом в этих поисках стала дальневосточная экспедиция 1937 года по изучению неизвестной формы энцефалита.

«Эта работа, — пишет профессор Г.И. Абедев, один из выдающихся иммунологов, — можно без преувеличения сказать, создала советскую медицинскую вирусологию, она остается классическим исследованием в этой области. В ней сложилась советская вирусологическая школа». За один сезон работы, с мая по август 1937 года, был найден и выделен вирус-возбудитель заболевания и установлен пе-

реносчик болезни — клещ; само заболевание было выделено как неизвестная до сих пор форма энцефалита. Все члены экспедиции были представлены к Сталинской премии. И все, кроме руководителя, получили ее. Что касается руководителя, то он, как враг народа, был вновь арестован.

Недолгая свобода

И вновь брат и жена бросаются в неравный бой с карательной машиной НКВД. И вновь их ожесточенная борьба, все связи, пушенные в ход, дали результаты. 1 июня 1939 года Лев был освобожден без судебного разбирательства и восстановлен во всех правах. Но, не успев начаться, свободная и научная жизнь в 40-м в очередной раз была прервана арестом. Теперь Зильбер обвинялся по четырём пунктам 58-й статьи — измена родине, контрреволюционная агитация, диверсионно-вредительская работа и что-то еще, кажется, связь не с Рыковым, не то с Пятаковым. Довольно было и одного первого пункта, чтобы приговорить его к расстрелу. Но он не подписал ни одного показания, и это, по-видимому, решило дело.

— Когда-нибудь лошади будут над этим смеяться! — крикнул он с бешеным, выслушав приговор. Лев попал в лагерь на Печору и стал врачом в местной больнице. Мысль ученого и в условиях лагеря не оставалась пассивной. Зильбер обнаруживает, что олений мох — ягель прекрасный источник витаминов и, кроме того, из него можно изготавливать спирт. Его разработку заинтересовывают лагерное начальство.

За Полярным кругом впервые в истории медицины Зильберу удается провести съезд врачей-заключенных, прошедший оживленно и интересно. Представьте себе этот съезд под козвем. И, тем не менее, он показал, что даже здесь есть возможность мыслить, искать, помогать товарищам.

Непризнанная теория

Лагерное начальство не могло не оценить заслуг ученого, и вскоре он оказывается в «химической шарашке», где по ночам начинает экспериментировать с мышами, которых за пайку табака охотно ловят заключенные. Эти тайные опыты и подводит Льва Александровича к вирусной теории рака. Зильбер подает соответствующий рапорт, понимая, что, возможно, он рискует местом в «привилегированной тюрьме», ведь эксперименты проводились без разрешения, но иначе поступить не может.

Правда, разговор с начальником шарашки, комиссаром второго ранга, не получился. «Я старался говорить медленно, убедительно. Комиссар смотрел на меня в упор. В этих блеклых голубых глазах не было никакого интереса ни ко мне, ни к тому, что я говорю».

Эпилог

Двадцать лет в жизни Зильбера — 1945 — 1966 гг. — это парадоксальная борьба за вирусно-генетическую теорию происхождения рака, это блистательные доклады в США, Франции, Италии, Японии, Англии и других странах. Шесть монографий — в их числе «Основы иммунитета», настольная книга иммунологов Советского Союза. Десятки статей, научно-популярные очерки и книги. Неустанные схватки с карьеристами, бездельниками и дураками в Академии медицинских наук. Создание лучшей в стране лаборатории по иммунологии рака в институте имени Гамалея. Много друзей. Много врагов. Опасные статьи в «Медицинской газете», обвиняющие его в идеализме и вирховианстве. Он умер в 72 года, в 1966 году, в расцвете таланта. Ермольева пережила его на восемь лет. Уйдя, он оставил после себя большое количество последователей, яркие и интересные теории, актуальные и по сей день.

ерил, — напишет после в своих мемуарах Зильбер.

— Я прочел ваше заявление и не могу понять, чего вы хотите. Что особенного вы сделали? Научились лечить рак?

— Я не научился лечить рак, но мои опыты показывают, что химические вещества, которые вызывают рак, на самом деле только способствуют истинной причине — вирусу — проявить свое действие подобно тому, как простуда способствует заболеванию туберкулезом. Когда будет ясна истинная причина рака, тогда легче будет найти средство для его лечения.

— Ну вот что. Напишите подробно, что вы там сделали, мы пошлем ваш отчет в Наркомздрав».

От этого предложения Зильберу пришлось отказаться, он понимал, что при таком раскладе его открытие непременно кто-нибудь присвоит. На просьбу опубликовать его теорию хотя бы под любым вымышленным именем чекист усмехнулся сказал:

— Что же, может быть, опубликовать это ваше «произведение» в «Известиях»? Или «Правде»?

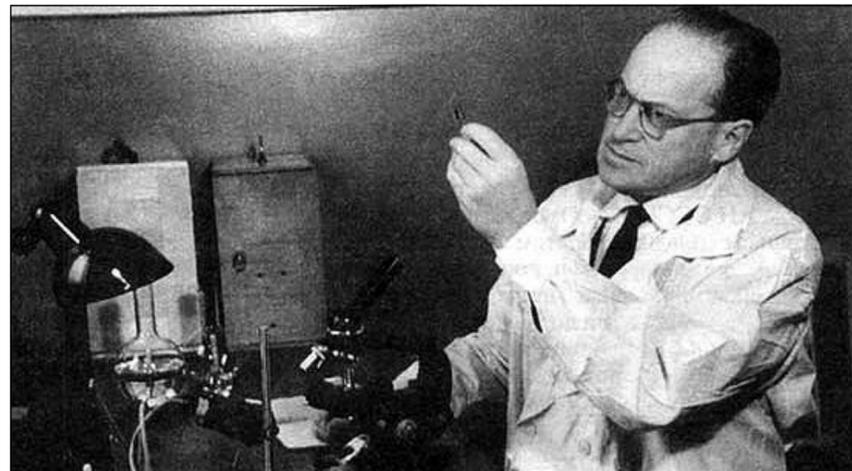
Разумеется, этому комиссару, будь он и семи пядей во лбу, не могло прийти в голову, как прощительно заглянул он в будущее — и довольно близкое: не прошло и двух-трех лет, как статья Льва была опубликована в «Известиях». Но этого, к сожалению, еще не знает и сам автор. Обескураженный он, «впервые чувствующая себя стариком», возвращается в свою лабораторию. Его томит полная безнадежность. От отчаяния он втайне начинает записывать свою теорию на клочке бумаги микроскопическим почерком, чтобы передать его на свободу. На очередном свидании он, виртуозно обманув бдительность охранника, передал записку брату.

А в это время, не покладая рук, за свободу бывшего мужа боролась Зинаида Ермольева, ставшая к тому времени «матерью советского пенициллина». За ее плечами был также Сталинград, в котором она остоновила эпидемию холеры. И теперь эта самоотверженная женщина вновь бросила на одну чашу весов свой успех, а на другую — освобождение Льва. На этот раз письмо Сталину подписывают виднейшие ученые страны во главе с вице-президентом Академии наук Л.А. Орбели. Но на конверте Зинаида Виссарионовна пишет только одно имя: Н.Н. Бурденко. И это был обдуманный шаг, потому что главнокомандующий не мог не прочитать письмо главного хирурга армии — на всех фронтах шло генеральное наступление.

И вновь, на этот раз последнее, освобождение, столь стремительное, что Лев Зильбер никак не мог в него поверить. Из последнего заключения он очень торопился домой — его ждали новые научные горизонты...

Пока ничто не предвещает бури и испытания

Подлинное признание заслуг пришло только после его смерти

Зинаида Ермольева до конца оставалась верным другом